

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.17>

UDC 81'1:32
LBC 81.055.5

Submitted: 06.09.2018
Accepted: 19.03.2019

CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES

Marina S. Matytsina

Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia

Abstract. The article is devoted to formation and development of discourse analysis as an effective method to study functional aspects of political communication in global political space. It reports on main theoretical and methodological approaches to critical analysis of political discourse. Mainly, it deals with theoretical and methodological perspectives of three leading schools of critical discourse analysis: discourse analysis of N. Fairclough, that presents a relational approach to considering social problems in their relation to textual analysis; socio-cognitive theory of T.A. van Dijk, oriented to investigating relations between cognitive structures, discourse and social coordination; discourse analysis of R. Wodak, that uses historical approach to discourse and is aimed at description of powerful language of the elite that helps to maintain dominance in society. The paper characterizes some frameworks of critical analysis of political discourse, including the Duisburg School of Critical Discourse Analysis (S. Jäger, F. Maier), System-Functional and Social-Semiotic Theory (M. Halliday, T. van Leeuwen), and Mediated Discourse Analysis (R. Scollon, S. Scollon). It is stated that within its boundaries critical discourse analysis includes a variety of approaches, analytical tools and methodologies. The author underlines that scientific consideration of critical discourse analysis will demonstrate its potential and prospects for integrating this interdisciplinary qualitative methodology into a set of empirical tools of modern political science.

Key words: political discourse, critical discourse analysis, discursive practices, critical linguistics, political communication.

Citation. Matytsina M.S. Critical Discourse Analysis: Theoretical and Methodological Approaches. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 206-216. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.17>

УДК 81'1:32
ББК 81.055.5

Дата поступления статьи: 06.09.2018
Дата принятия статьи: 19.03.2019

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Марина Станиславовна Матыцина

Липецкий государственный технический университет, г. Липецк, Россия

Аннотация. Статья посвящена одному из методов исследования коммуникации в глобальном политическом пространстве – дискурс-анализу. Описаны основные теоретико-методологические направления критического дискурс-анализа. Осмыслены достижения трех ведущих школ: дискурс-анализ Н. Фэрклоу, базирующийся на диалектико-реляционном подходе и имеющий целью рассмотрение социальных проблем в тес-

ной взаимосвязи с текстовым анализом; социо-когнитивная теория Т. ван Дейка, ориентированная на изучение отношений между когнитивными механизмами познания, дискурсом и социальным взаимодействием; дискурс-анализ Р. Водак, опирающийся на дискурсивно-исторический подход и нацеленный на выявление особенностей использования языка властными элитами для поддержания своего доминирования. Охарактеризованы также другие направления критического анализа политического дискурса: Дуйсбургская школа критического дискурс-анализа (З. Егер, Ф. Майер), системно-функциональная и социально-семиотическая теория (М. Халлидей, Т. ван Лювен) и опосредованный дискурс-анализ (Р. Сколлон, С. Сколлон). Отмечено, что критический дискурс-анализ включает разнообразные подходы, аналитические инструменты и методики. Сделан вывод о необходимости научного осмысления сущности критического дискурс-анализа, его возможностей, целесообразности и эмпирической ценности интеграции этого междисциплинарного метода в комплекс методов современной политической науки.

Ключевые слова: политический дискурс, критический дискурс-анализ, дискурсивные практики, критическая лингвистика, политическая коммуникация.

Цитирование. Матыцина М. С. Критический дискурс-анализ: теоретико-методологические подходы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 206–216. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.17>

Введение

Анализ активно развивающихся направлений изучения политической коммуникации позволяет определить круг наиболее разрабатываемых вопросов, мотивирует потребность в синтезе знаний, уже накопленных в области дискурс-анализа, и их практического применения с целью устранения теоретико-методологических лагун в осмыслении сущности политического дискурса и повышения эффективности речевого взаимодействия во всех сферах жизни социума.

В настоящее время, когда для изучения коммуникативного своеобразия субъекта социального действия необходимо синтезировать идеи, разработанные в языкознании, социологии, психологии, философии, этнографии и культурологии, появилось большое количество междисциплинарных теорий и научных исследований, позволяющих глубже понять природу политического дискурса, рассмотреть его с разных точек зрения и получить целостное представление о нем. На аксиологическом уровне методологии выделяют два основных направления анализа политической коммуникации: дескриптивный и критический [Fairclough, 1985].

Дескриптивный подход восходит к трудам Аристотеля и Цицерона, которые проводили всесторонний риторический анализ речей политиков своего времени [Аристотель, 1978; Цицерон, 1994, с. 162–371]. Политический дискурс отождествлялся с понятием «риторика», включавшим представления обо всех

возможных формах убеждения на политических собраниях [Cicero, 1971]. В современной лингвистике существует большое количество работ, посвященных изучению специфики текстов политической коммуникации с позиций риторики [Aune, Medhurst, 2008; Finlayson, 2007; Lunsford, Wilson, Eberly, 2008; Parry-Giles, Hogan, 2010]. В этих исследованиях основное внимание уделяется речевой деятельности политиков: изучаются языковые средства, риторические приемы, стратегии манипулирования, используемые политиками с целью убеждения. Политический дискурс также рассматривается в аспекте теории риторической аргументации (см., например, [Connolly, 1993]). Дескриптивность заключается в том, что анализируемые феномены описываются и объясняются без экспликации идеологических оценок, связанных с политическими убеждениями субъекта исследования.

Ключевое место в современной методологии изучения взаимодействия языка и общества принадлежит критическому дискурс-анализу (КДА), цель которого – исследование выраженного в дискурсе социального неравенства. При этом ученые, работающие в данном направлении, по мнению Т. ван Дейка, не могут занимать отстраненную и тем более индифферентную позицию [Dijk, 1993].

В становлении теории критического анализа политического дискурса важную роль сыграли труды К. Маркса. Большой вклад в формирование этого направления внесли идеи А. Грамши, Л.П. Альтюссера, М. Бахтина, работы последователей Франкфуртской шко-

лы, в особенности Ю. Хабермаса, французских структуралистов А.Ж. Греймаса, К. Бремона, Ц. Тодорова, Р. Барта, группы лингвистов из лондонской школы М. Халлидея, представителей французской школы постструктурализма – М. Фуко, П. Серио, М. Пеше. Основу КДА составляют исследования реализующегося через дискурс социального угнетения, доминирования и принуждения, раскрывающие сущность этих явлений. Политологи М. Эдельман, Д. Грабер, группа лингвистов из школы М. Халлидея в Университете Восточной Англии, Г. Кресс, Р. Ходж, Р. Фулер в своих трудах разработали технику «критической лингвистики». Н. Фэрклоу, Р. Водак, Т. ван Дейк и другие представители этого направления анализируют сложные взаимоотношения между дискурсом и обществом, отражение и воспроизводство социальной организации власти в языке, рассматривают проблему социального неравенства, выраженного в дискурсе.

Несмотря на очевидное сходство изучаемых круга вопросов и общность категориального аппарата, которая заключается в том, что все школы КДА оперируют такими категориями, как время (*tense*), дейксис (*deixis*), метафора (*metaphor*), атрибутивы (*attribute*) и аргументативные топосы (*argumentative topos*), теоретическая база и методология разных школ КДА имеют некоторые отличия. В одних доминируют дедуктивные методы анализа, в других – экспериментальные. Первые строят свои объяснения, используя сравнительно небольшое количество примеров; вторые опираются на данные, полученные в результате большого количества экспериментов, и оперируют надежными и объективными данными.

Основные подходы критического дискурс-анализа

1. *Диалектико-реляционный подход (Dialectical-Relational Approach)* к изучению КДА, разработанный Н. Фэрклоу, основан преимущественно на идеях марксизма, что наглядно проявляется в его исследованиях языка, идеологии и власти [Fairclough, 1989; 1995]. Ученый оперирует такими терминами, как «доминирование» (*dominance*), «сопротивле-

ние» (*resistance*), «гибридизация дискурсивных практик» (*hybridisation of discursive practices*), «технологизация дискурса» (*technologisation of discourse*) и «конверсационализация публичного дискурса» (*conversationalisation of public discourse*), называя КДА чем-то средним между анализом конкретных текстов и тем, что именуется «порядком дискурса», под которым мы понимаем дискурсивное измерение социального порядка [Fairclough, 2003, p. 3]. По мнению Р. Водак и М. Мейер, исследование Н. Фэрклоу сводится к изучению семиотического отражения социального конфликта в дискурсе [Wodak, Meyer, 2009]. Этим объясняется необходимость изучения социальных практик с целью критического разоблачения закодированных в дискурсивных практиках способов злоупотребления социальной властью, доминирования и неравенства. Прагматический аспект данного подхода проявляется в том, что язык рассматривается как форма социальной практики, тесно связанной с механизмами реализации власти, в ходе которой властные структуры конструируют, воспроизводят и изменяют окружающую действительность, одновременно испытывая на себе ее влияние, что, по Н. Фэрклоу, составляет основу лингводидактики [Fairclough, 1999].

Одно из ведущих мест в КДА занимает анализ текста. Н. Фэрклоу предлагает включить в поле исследования три этапа анализа дискурса [Fairclough, 2003, p. 99]. Первый этап – это рассмотрение социальной проблемы в тесной взаимосвязи с текстовым анализом. Обоснованием служит тот факт, что тексты являются индикаторами социальных изменений. Н. Фэрклоу подчеркивает значимость критической ориентации дискурс-анализа: власть и социальный контроль, как правило, реализуются с помощью текстовых средств. Подход к языку как семиотической практике предполагает, что язык обеспечивает формирование социальных идентичностей, конструирование реальности и, наконец, текста. При таком понимании дискурсивного пространства учитывается существование диалектических отношений между отдельным дискурсивным событием и социальными структурами, которые его формируют. Дискурс организуется, как считает Н. Фэрклоу, социальными структурами и

практиками, а также социальными агентами – людьми, вовлеченными в социальные события [Fairclough, 2003, p. 22]. Это позволяет, по мнению исследователя, выяснить, как материализуется, воспроизводится и навязывается принятая в том или ином обществе система взглядов, ценностей и целеустановок. В то же время дискурсивные события вносят свой вклад в изменение и укрепление существующих социальных отношений, влияют посредством семиотического кода на социальные структуры, конструируют реальность согласно собственным образцам. Следовательно, дискурс и социальные структуры являются взаимно конституирующими сущностями: социальные структуры создают дискурсивное событие, а оно формирует социальную и политическую реальность [Fairclough, Wodak, 1997].

Анализ текста опирается не только на изучение языковых (речевых) единиц, он включает также междискурсивный анализ: дискурсивное описание конкретной социальной проблемы исследуется посредством определения стилей (семиотических образов), жанров (способов поведения и производства социальной жизни, имеющих семиотическую природу) и дискурсов (семиотических способов толкования мира); затем между ними выявляются различия и в завершении проводится изучение способов их взаимодействия и сочетания. Следовательно, социальное измерение дискурса, или порядок дискурса, представляет собой особое состояние дискурсивной среды как результат социокультурной детерминации и контролирования дискурсивных практик.

Вторым этапом КДА является структурный анализ контекста и позиций социальных акторов, учет времени предложения, переходности, модальности, а также иных семиотических систем, например, языка тела и визуальных изображений.

На третьем этапе проводится исследование интердискурсивности с целью определения роли дискурсов в процессах социального изменения.

Одной из сильных сторон диалектико-реляционного подхода является междисциплинарность. Это означает, что несмотря на схожесть знаковой природы элементов соци-

альной практики, у них есть существенные различия, что предполагает использование междисциплинарного подхода для их исследования [Fairclough, 2000]. КДА занимается интерпретацией дискурса сквозь призму таких дисциплин, как прагматика, конверсационный и нарративный анализ, риторика, стилистика, социолингвистика [Fairclough, Wodak, 1997]. С позиций диалектико-реляционного подхода в КДА интегративная цель исследований обуславливает междисциплинарную методологию, а именно: установление идеологических функций языка в производстве, воспроизводстве и изменениях социальных структур, связей, субъектов, раскрытие природы власти и доминирования, а также анализ имплицитных и в то же время очевидных проявлений дискриминации, господства, власти и контроля, выраженных посредством языка.

2. Социо-когнитивный подход (Socio-Cognitive Approach), разрабатываемый Т. ван Дейком, основан на взаимосвязи между когнитивными структурами, дискурсом и обществом. Этот подход сформировался как результат объединения когнитивного анализа механизмов познания, лингвистического анализа и изучения особенностей социального взаимодействия. Т. ван Дейка интересуют дискурсивное воспроизводство стереотипов (stereotypes), этнических предрассудков (the reproduction of ethnic prejudice), злоупотребление властью со стороны элит (power abuse by elites) и сопротивление угнетаемых групп (resistance by dominated groups). Исследователь подчеркивает важность выявления взаимодействия между дискурсом и властными социальными структурами, под которым понимается не простое корреляционное взаимодействие, а сложный социокогнитивный процесс, включающий ментальные модели в сознании участников, испытывающих влияние дискурсивных структур и в то же время влияющих на формирование новых дискурсов. Структуры доминирования посредством кодирования информации в дискурсе не только формируют новые коллективные знания о мире, хранящиеся в кратковременной и долговременной памяти, но и обновляют существующие. «Встроенные» в текст лингвистические механизмы наилучшим образом воспроизводят посредством дискурса властные

отношения в обществе. Процесс декодирования информации в дискурсе в свою очередь формирует наши представления о мире, структурируя социальную реальность (а значит, и будущие дискурсы). В качестве инструмента для производства и лучшего понимания дискурса Т. ван Дейк выделяет структурные знания (K-device). Данное понятие, представляющее собой соотношение личностного, межличностного, группового, институционального, национального и культурного знания, используется для самопрезентации группы и обособления ее от других [Dijk, 2005].

Разделение общего социокультурного знания всеми членами одного эпистемического сообщества служит основой стратегии прагматического управления этим знанием. Дискурс понимается как совокупность текста и социально-когнитивных факторов. Согласно Т. ван Дейку, во-первых, его следует изучать как текст, требующий анализа на синтаксическом, семантическом, стилистическом и коммуникативном уровнях. Во-вторых, его необходимо рассматривать с учетом процессов производства, получения и понимания информации собеседниками. В-третьих, дискурс следует понимать как последовательность контекстуализированных, контролируемых и целенаправленных действий, совершаемых в обществе, то есть дискурс – это форма социальных действий, происходящих в контексте [Дейк, 2013; Dijk, 2009]. Когнитивные структуры, представляющие собой субъективный ментальный конструкт участников, – связующее звено между дискурсивными и социальными структурами [Dijk, 2009].

Обязательным компонентом исследований является определение взаимосвязи и взаимообусловленности семиотических структур дискурса и социальных структур. Последние, как полагают Н. Фэрклоу и Р. Водак, вводятся, устанавливаются, легитимируются, утверждаются или оспариваются текстом и речью [Fairclough, Wodak, 1997, p. 266]. Т. ван Дейк считает, что для проведения КДА необходимо учитывать категорию контекста в русле теории социального представления С. Московичи [Moscovici, 2000]: когнитивные модели членов социума, то есть система понятий, ценностей, норм и представлений, разделяемая той или иной социальной группой, опосре-

дует как создание и восприятие дискурсов, так и задаваемые идеологией представления о социальной структуре [Dijk, 2009]. Контексты являются субъективными конструктами участников дискурса и включают в себя когнитивную, социальную, историческую, культурную и политическую составляющие коммуникативной ситуации, от которых производится концептуальная модель текстуальных или разговорных структур [Dijk, 2008, p. 117]. Поскольку контексты связаны со знаниями членов общества о социальных ситуациях и институтах и том, как использовать в них язык, Т. ван Дейк утверждает, что каждый контекст контролирует конкретный тип дискурса и каждый дискурс зависит от конкретного типа контекста. Исследователь вводит понятие контекстуальной модели (contextual model), которая определяется как «ментальная модель, представленная в эпизодической памяти. Контекстуальные модели управляют многими свойствами порождения и восприятия дискурса, речевыми актами, стилем, выбором лексических средств, форматом, риторикой, семантическими стратегиями и т. д.» [Дейк, 2013, с. 230]. Т. ван Дейк активно выступает за проведение анализа семантических макроструктур, значений слов в конкретном тексте, формальных структур, глобальной и локальной структуры дискурса, специфичных лингвистических реализаций и контекста. Особое внимание он уделяет когерентности, выбору лексики и темы, риторическим фигурам, речевым актам, пропозициональным структурам, импликации и импликатуре, хезитации и смене коммуникативных ролей.

3. При *дискурсивно-историческом подходе (Discourse-Historical Approach)* цель анализа заключается в выявлении того, как властные элиты используют язык и другие семиотические системы для поддержания своего господства [Reisigl, Wodak, 2009]. Первоначально внимание исследователей было обращено на изучение послевоенного антисемитизма в Австрии. В настоящее время в работах ученых, придерживающихся данного подхода, рассматриваются вопросы, касающиеся конструирования дискурсов национальной, наднациональной, региональной идентичности и социальной изоляции аут-групп, потенциала политического дискурса как инструмен-

та воспроизводства социального доминирования, позволяющего осуществлять некую категоризацию, создавать идентичности, относить различные группы к тем или иным «классам». Дискурсивно-исторический метод основывается на идеях Франкфуртской философской школы и прежде всего Ю. Хабермаса, в теории которого понятие рационального действия является одним из ключевых, а стратегическое и коммуникативное действие, направленное на успех, противопоставляется коммуникации, ориентированной на достижение понимания. По мнению Р. Водак, дискурс – это «продукт» коммуникативного действия, выраженный в речевой форме (в виде текста или разговора), форма социального действия – социально конститутивная и социально сформированная [Fairclough, Wodak, 1997, p. 276]. Обязательным этапом исследования становится проведение текстуального и контекстуального анализа. При этом модель контекста понимается как сложный феномен, включающий четыре уровня: (а) лингвистический ко-текст (linguistic co-text), (б) интертекстуальный и интердискурсивный (intertextual and interdiscursive level), (в) экстралингвистический уровень (extralinguistic level), (г) социально-политический и исторический (sociopolitical and historical level) [Wodak, Meyer, 2009]. Взаимосвязь между текстами и дискурсами ведет к деконтекстуализации и реконтекстуализации, под которыми понимается «перемещение» текстуальных или дискурсивных элементов, ассоциируемых с определенными речевыми событиями, в новые контексты.

Дискурсивно-исторический подход способствовал появлению целого ряда аналитических и описательных инструментов, в основе которых лежат лингвистические модели анализа и теория аргументации. В частности, его ключевые понятия связаны с установлением следующих дискурсивных стратегий: 1) номинации (referent) социальных акторов; 2) предикации (predication) их социальных действий; 3) аргументации (argumentation) и аргументативных схем, основанных на определенных топосах, посредством которых социальные акторы пытаются оправдать и узаконить политическое включение или исключение, дискриминационное или преференциаль-

ное обращение; 4) создания перспективы – перспективации (perspectivization), с помощью которой социальный актор или группа характеризуются с точки зрения говорящего / пишущего; 5) интенсификации и митигации (intensification / mitigation), модифицирующих иллюкутивное воздействие высказывания с целью усиления или снижения интенсивности его побудительного заряда [Wodak, 2011]. Учитывая конституирующую роль контекста в понимании дискурса, а также контекстуальные уровни дискурса, ситуативно обуславливающие дискурс и накладывающие на него ряд ограничений, следует отметить, что текстуальный и контекстуальный уровни анализа диалогично взаимосвязаны.

Одной из сильных сторон данного подхода является сочетание наблюдения, теории и практики, а также ориентированность на поиск и интегрирование информации применительно к различным уровням письменного и устного текста. Кроме того, важной частью дискурсивно-исторической методологии, в частности, в исследовании жанров, представляется исторический, политический и социологический анализ, направленный на определение арсенала эффективных приемов оказания прагматического воздействия на аудиторию, способствующего созданию предвзятого мнения в дискурсе.

Дополнительные направления критического анализа политического дискурса

Помимо характеристики трех основных подходов следует сказать о Дуйсбургской школе критического дискурс-анализа, системно-функциональном подходе к анализу дискурса и об опосредованном дискурс-анализе.

Дуйсбургскую школу критического дискурс-анализа возглавляет З. Егер. На ее становление и развитие значительное влияние оказали работы М. Фуко, главная мысль которых заключается в том, что именно дискурс определяет содержание. По мнению З. Егера, производство, восприятие и понимание дискурса конкретным индивидуумом зависят от его положения в системе исторически обусловленных связей и представляют собой институционализированную модель пове-

дения, мышления и речи. Этот подход, в основе которого лежат социальный конструктивизм [Laclau, 1980] и теория деятельности [Leontyev, 1978], называют также диспозитивным. Согласно ему социальные акторы являются частью семиотической системы, включающей не только коммуникативное взаимодействие, но и юридические практики, обычаи, ритуалы, социальные институты, способы деятельности, принятые в данной культуре, что позволяет считать дискурс конвенциональным процессом. К основным понятиям, которыми оперирует данный подход, относятся: дискурсивный уровень (*diskursive Ebene*), дискурсивное ответвление (*diskursiver Zweig*), дискурс-фрагмент (*Diskursfragmente*), дискурсивное событие (*diskursives Ereignis*), дискурсивный контекст (*diskursiver Kontext*) [Jäger, Zimmermann, 2010, p. 38–42]. Дискурс рассматривается как институционализируемая манера речи, регламентирующая действие тех или иных отношений и создающая таким образом предпосылки для появления властной асимметрии [Link, 1983, p. 60]. Социальные акторы следует характеризовать как субъекты, вплетенные в социоисторически заданные «дискурсивные контексты» [Jäger, 2001, p. 22]. Это значит, что они формируют социальную действительность исходя из представлений, заложенных в дискурсе. В рамках дуйсбургской школы особое внимание уделяется изучению метафор, стилей, импликации, стратегии аргументации и символов.

Последовательность процедур анализа такова: сначала осуществляется выбор конкретного предмета исследования и анализу подвергается одна предметная область, затем проводится структурный анализ элементов отдельного дискурс-фрагмента, под которым понимается то, что уже сказано или может быть сказано в определенный момент времени, или его части, тематически связанной с тем или иным общественным дискурсом [Jäger, Maier, 2013]. Дискурсивные практики (вербальные способы коммуникации) исследуются путем анализа текстов; невербальные – с помощью этнографических методик. Практически каждый текст объединяет в себе несколько дискурсов, продолжает уже существующие тексты и порождает новые (принцип интертекстуальности) [Jäger, Zimmermann, 2010, p. 112].

В такой перспективе он всегда «вплетен» в социоисторический контекст и содержит фрагменты социоисторических дискурсов.

Основателем *системно-функционального подхода* к языку как семиотической системе является М. Халлидей, последователями которого стала группа лингвистов Университета Восточной Англии – Г. Кресс, Р. Ходж, Р. Фулер [Fowler et al., 1979; Kress, Hodge, 1979], разработавших технику «критической лингвистики». Согласно принципам системной функциональной грамматики М. Халлидея, различные лингвистические описания одного и того же фрагмента социальной реальности конструируют этот фрагмент по-разному. Ученый рассматривает язык как систему «потенциального значения», или совокупность инструментов, влияющих на процесс речевой деятельности в определенном социальном контексте [Halliday, 1978, p. 39]. Следовательно, одно и то же исторически происходящее событие можно охарактеризовать, например, как бунт, демонстрацию или протест, при этом социальные акторы могут быть представлены либо как активные социальные деятели, либо как жертвы в зависимости от выбора говорящим соответствующих грамматических структур. Тексты – формы социальной практики (то есть регулируемые способы ведения дел), которые предполагают наличие социальных агентов, их действий, поведенческих моделей, способов саморепрезентации, а также умений и ресурсов, требуемых для их осуществления.

Т. ван Лювен разработал теоретические основы системной функциональной грамматики с целью проведения классификации типов социальных акторов семиотической системы и различных способов их лингвистического представления [Leeuwen, 2008]. По мнению исследователя, элементы социальной практики претерпевают изменения за счет использования таких трансформаций, как исключение, подмена, перестановка и дополнение. Реконтекстуализация дискурса отвечает на вопрос, зачем и почему существуют те или иные социальные практики. Т. ван Лювен высказал следующее предположение: социальные акторы могут быть как включены в дискурс, так и исключены из него посредством называния или умалчивания в тексте действий актора или

самого актора; действия могут быть представлены как в динамике, так и без нее вне зависимости от присутствия в дискурсе социальных агентов; социальные акторы могут быть репрезентированы в виде чисел и обобщенных существительных или посредством поименной персонификации за счет указания конкретных акторов; социальные практики или их элементы могут быть как включены в контекст, так и исключены из него. Указывая способы, с помощью которых социальные акторы, их действия и цели могут быть отражены в текстах, Т. ван Лювен делает попытку проанализировать, как различные дискурсы легитимизируют их.

Опосредованный дискурс-анализ (*Mediated Discourse Analysis*), разрабатываемый Р. Сколлоном и С. Сколлоном, опирается на эвристику этнографии и семиотики [Scollon, Wong Scollon, 2005]. Он имеет схожие черты с дискурсивно-историческим подходом и акцентирует внимание на исследовании дискурса в диахронии, при этом тексты рассматриваются как ситуативный дискурс [Scollon, 2003]. Кроме того, Р. Сколлоном и С. Сколлоном обращаются к идеям французского социолога П. Бурдьё, в частности, к понятию габитуса – системы прочных приобретенных предрасположенностей, предназначенных для функционирования в качестве особых структур, то есть принципов, которые, интегрируя прошлый опыт, определяют восприятие, суждения и действия, порождают и организуют практики и представления, объективно приспособленные для достижения определенных результатов, но не предполагающие сознательной нацеленности на эти результаты и не требующие особого мастерства [Бурдьё, 1995]. Данный подход опирается также на философию Китаро Нисиды, используя разработанные им понятия «интуиция действия» (*action-intuition*) и «историческое тело» (*historical body*), сочетающие социальное и психологическое. По мнению Р. Сколлона и С. Сколлона, дискурсы всегда присутствуют там, где человек является социальным актором, вовлеченным в общество различных социальных групп [Scollon, 2003, p. 172]. Следовательно, одна из целей опосредованного дискурс-анализа – поиск связи между действием индивида и общественным дискурсом с целью понять, как мы восприни-

маем социальный мир и как посредством интуиции действия реализуется историческое тело социального актора.

Выводы

Представленный обзор, не претендуя на полный охват всего методологического многообразия концепций критического дискурс-анализа, существующих в современной научной литературе, обеспечивает полное представление о состоянии методологии исследований развития и функционирования политической коммуникации в глобальном политическом пространстве и свидетельствует об актуальности изучения в современной лингвистике роли дискурса в конструировании социального мира. Разнообразие теоретико-методологических направлений КДА позволяет говорить о том, что он постоянно развивается и совершенствуется в соответствии с поставленными задачами, а также о целесообразности и эмпирической ценности его интеграции в комплекс методов современной политической науки. Критическое осмысление возможностей КДА и практика его применения в лингвистических исследованиях ведут к появлению целого ряда новых направлений, акцентирующих те или иные аспекты политической коммуникации. Наука лишь тогда приобретает достоверность, прикладную и теоретическую ценность, когда находится в постоянной динамике. Установление тесной взаимосвязи между дискурсивными и социальными структурами в их развитии позволяет усовершенствовать существующие представления о современном политическом дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель, 1978. Риторика. М.: Лабиринт. С. 15–164.
 Бурдьё П., 1995. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас / сост., пер. и вступ. ст. А. В. Леденевой. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та. С. 16–31.
 Дейк Т. ван, 2013. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком. 344 с.
 Цицерон, 1994. Эстетика: Трактаты. Речи. Письма. М.: Искусство. 540 с.

- Aune J. A., Medhurst M. J., 2008. *The Prospect of Presidential Rhetoric*. Texas : A&M University Press. 400 p.
- Cicero, 1971. *Selected works*. Harmondsworth : Penguin. 272 p.
- Connolly W., 1993. *The terms of political discourse*. Princeton : Princeton University Press. 272 p.
- Dijk T. A. van, 1993. *Principles of critical discourse analysis // Discourse and Society*. Vol. 4, № 2. P. 243–289.
- Dijk T. A. van, 2005. *Contextual knowledge management in discourse Production: a CDA perspective // A new agenda in (critical) discourse analysis / R. Wodak, P. Chilton (eds.)*. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins. P. 71–100.
- Dijk T. A. van, 2008. *Discourse and context: a sociocognitive approach*. New York : Cambridge University Press. 267 p.
- Dijk T. A. van, 2009. *Critical discourse studies: a sociocognitive approach // Methods of critical discourse analysis / R. Wodak, M. Meyer (eds.)*. London : Sage. P. 62–86.
- Fairclough N., 1985. *Critical and descriptive goals in discourse analysis // Journal of Pragmatics*. Vol. 9, № 6. P. 739–763.
- Fairclough N., 1989. *Language and power*. London : Longman. 259 p.
- Fairclough N., 1995. *Critical discourse analysis*. London : Longman. 265 p.
- Fairclough N., 1999. *Global capitalism and critical awareness of language*. *Language Awareness*. Vol. 8, № 2. P. 71–83.
- Fairclough N., 2000. *Discourse, social theory and social research: the discourse of welfare reform // Journal of Sociolinguistics*. Vol. 4. P. 163–195.
- Fairclough N., 2003. *Textual analysis for social research*. New York : Routledge. 270 p.
- Fairclough N., Wodak R., 1997. *Critical discourse analysis // Discourse and social interaction / T. van Dijk (ed.)*. London : Sage. P. 258–284.
- Finlayson A., 2007. *From beliefs to arguments: interpretive methodology and rhetorical political analysis // British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 9. P. 545–565.
- Fowler R., Hodge B., Kress G., Trew T., 1979. *Language and control*. London : Routledge & Kegan Paul. 224 p.
- Halliday M. A. K., 1978. *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. Maryland : University Park Press. 256 p.
- Jäger S., 2001. *Kritische diskursanalyse: eine einführrang*. Duisburg : DISS Studien. 258 s.
- Jäger S., Maier F., 2013. *Theoretical and methodological aspects of foucauldian critical discourse analysis and dispositive analysis // Critical discourse analysis / R. Wodak (ed.)*. London : Sage. Vol. 1. P. 165–195.
- Jäger S., Zimmermann J., 2010. *Lexikon kritische diskursanalyse: eine aftferkzeugkiste*. Munster : Unrast-Verlag. 144 S.
- Kress G., Hodge R., 1979. *Language and ideology*. London : Routledge & Kegan Paul. 163 p.
- Laclau E., 1980. *Populist rupture and discourse // Screen Education*. Vol. 34. P. 87–93.
- Leeuwen T. van, 2008. *Discourse and practice. New tools for critical discourse analysis*. Oxford : OUP. 184 p.
- Leontyev A. N., 1978. *Activity, consciousness, and personality*. Englewood Cliffs, NJ : Prentice Hall. 192 p.
- Link Ju., 1983. *Was ist und was bringt diskurstaktik // KultuRRevoluion*. Band. 2. S. 60–66.
- Lunsford A. A., Wilson K. H., Eberly R. A., 2008. *The handbook of rhetorical studies*. London : Sage. 712 p.
- Moscovici S., 2000. *Social representations*. Cambridge : Polity Press. 313 p.
- Parry-Giles S. J., Hogan J. M., 2010. *The handbook of rhetoric and public address*. Oxford : Wiley-Blackwell. 496 p.
- Reisigl M., Wodak R., 2009. *The discourse-historical approach // Methods of critical discourse analysis / R. Wodak, M. Meyer (eds.)*. London : Sage. P. 87–121.
- Scollon S., 2003. *Political and somatic alignment: habitus, ideology and social practice // Critical discourse analysis. Theory and interdisciplinarity / G. Weiss, R. Wodak (eds.)*. New York : Palgrave Macmillan. P. 167–198.
- Scollon R., Wong Scollon S., 2005. *Lighting the stove: why habitus isn't enough for critical discourse analysis // A new agenda in (critical) discourse analysis / R. Wodak, P. Chilton (eds.)*. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins. P. 101–117.
- Wodak R., 2011. *The Discourse of Politics in Action. Politics as Usual*. New York : Palgrave Macmillan. 252 p.
- Wodak R., Meyer M., 2009. *Critical discourse analysis: history, agenda, theory and methodology // Methods of critical discourse analysis / R. Wodak, M. Meyer (eds.)*. London : Sage. P. 1–33.

REFERENCES

- Aristotel, 1978. *Ritorika* [Rhetoric]. Moscow, Labirint Publ., pp. 15-164.
- Burdye P., 1995. *Struktury, habitus, praktiki* [Structures, Habitus, Practices]. Novosibirsk, Izd-vo Novosibirskogo universiteta, pp. 16-31.

- Cicero, 1994. *Estetika: Traktaty. Rechi. Pisma* [Aesthetics: Treatises. Speeches. Letters]. Moscow, Iskustvo Publ. 540 p.
- Aune J.A., Medhurst M.J., 2008. *The Prospect of Presidential Rhetoric*. Texas, A&M University Press. 400 p.
- Cicero, 1971. *Selected Works*. Harmondsworth, Penguin. 272 p.
- Connolly W., 1993. *The Terms of Political Discourse*. Princeton, Princeton University Press. 272 p.
- Dijk T.A. van, 1993. Principles of Critical Discourse Analysis. *Discourse and Society*, vol. 4, no. 2, pp. 243-289.
- Dijk T.A. van, 2005. Contextual Knowledge Management in Discourse Production: A CDA Perspective. Wodak R., Chilton P., eds. *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 71-100.
- Dijk T.A. van, 2008. *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. New York, Cambridge University Press. 267 p.
- Dijk T.A. van, 2009. Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach. Wodak R., Meyer M., eds. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London, Sage, pp. 62-86.
- Fairclough N., 1985. Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis. *Journal of Pragmatics*, vol. 9, no. 6, pp. 739-763.
- Fairclough N., 1989. *Language and Power*. London, Longman. 259 p.
- Fairclough N., 1995. *Critical Discourse Analysis*. London, Longman. 265 p.
- Fairclough N., 1999. Global Capitalism and Critical Awareness of Language. *Language Awareness*, vol. 8, no. 2, pp. 71-83.
- Fairclough N., 2000. Discourse, Social Theory and Social Research: The Discourse of Welfare Reform. *Journal of Sociolinguistics*, vol. 4, pp. 163-195.
- Fairclough N., 2003. *Textual Analysis for Social Research*. New York, Routledge. 270 p.
- Fairclough N., Wodak R., 1997. Critical discourse analysis. T. van Dijk ed. *Discourse and social interaction*. London, Sage, pp. 258-284.
- Finlayson A., 2007. From Beliefs to Arguments: Interpretive Methodology and Rhetorical Political Analysis. *British Journal of Politics and International Relations*, vol. 9, pp. 545-565.
- Fowler R., Hodge B., Kress G., Trew T., 1979. *Language and Control*. London, Routledge & Kegan Paul. 224 p.
- Halliday, M.A.K., 1978. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. Maryland, University Park Press. 256 p.
- Jäger S., 2001. *Kritische Diskursanalyse: Eine Einführung*. Duisburg, DISS Studien. 258 S.
- Jäger S., Maier F., 2013. Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis. Wodak R., ed. *Critical Discourse Analysis*. London, Sage, vol. 1, pp. 165-195.
- Jäger S., Zimmermann J., 2010. *Lexikon kritische Diskursanalyse: Eine Aftferkzeugkiste*. Munster, Unrast-Verlag. 144 S.
- Kress G., Hodge R., 1979. *Language and Ideology*. London, Routledge & Kegan Paul. 163 p.
- Laclau E., 1980. *Populist Rupture and Discourse*. Screen Education, vol. 34, pp. 87-93.
- Leeuwen T. van, 2008. *Discourse and Practice. New Tools for Critical Discourse Analysis*. Oxford, OUP. 184 p.
- Leontyev A.N., 1978. *Activity, Consciousness, and Personality*. Englewood Cliffs, NJ, Prentice Hall. 192 p.
- Link Ju., 1983. *Was ist und was bringt Diskurstaktik*. KulturRRevolution, vol. 2, S. 60-66.
- Lunsford A.A., Kirt H., Wilson, Eberly R.A., 2008. *The Handbook of Rhetorical Studies*. London, Sage. 712 p.
- Moscovici S., 2000. *Social Representations*. Cambridge, Polity Press. 313 p.
- Parry-Giles Shawn J., Hogan J. Michael, 2010. *The Handbook of Rhetoric and Public Address*. Oxford, Wiley-Blackwell. 496 p.
- Reisigl M., Wodak R., 2009. The Discourse-Historical Approach. Wodak R., Meyer M., eds. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London, Sage, pp. 87-121.
- Scollon S., 2003. Political and Somatic Alignment: Habitus, Ideology and Social Practice. Weiss G., Wodak R., eds. *Critical Discourse Analysis. Theory and Interdisciplinarity*. New York, Palgrave Macmillan, pp. 167-198.
- Scollon R., Suzie Wong S., 2005. Lighting the Stove: Why Habitus Isn't Enough for Critical Discourse Analysis. Wodak R., Chilton P., eds. *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis*. Amsterdam and Philadelphia, John Benjamins, pp. 101-117.
- Wodak R., Meyer M., 2009. Critical Discourse Analysis: History, Agenda, Theory and Methodology. Wodak R., Meyer M., eds. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London, Sage, pp. 1-33.
- Wodak R., 2011. *The Discourse of Politics in Action. Politics as Usual*. New York, Palgrave Macmillan. 252 p.

Information about the Author

Marina S. Matytsina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Lipetsk State Technical University, Moskovskaya St., 30, 398055 Lipetsk, Russia, lipmarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6102-4397>

Информация об авторе

Марина Станиславовна Матыцина, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Липецкий государственный технический университет, ул. Московская, 30, 398055 г. Липецк, Россия, lipmarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6102-4397>